

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Валерий Гаевский

Случай из жизни трейдера

Валерий Владимирович Гаевский

Случай из жизни трейдера Часть 3

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48503405

SelfPub; 2023

Аннотация

В жизни бывают такие случаи, когда кажется, что жизнь дала трещину и все не очень хорошо... Как вдруг, в один прекрасный момент, все меняется в положительную сторону. И все замечательно, и все хорошо... но все очень-очень непросто и даже бывает страшно...

Содержит нецензурную брань.

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

59

Валерий Гаевский

Случай из жизни трейдера Часть 3

Начиная с 2002 года мои финансовые дела начали резко ухудшаться. Я, конечно же, крепился, как мог, но от этого укрепления силы и воли денег не прибавлялось. Я задавал себе вопрос: «Как же так получилось»? В середине 90-х годов я мог назвать себя преуспевающим трейдером. Я довольно хорошо раскрутился на бирже, а тут как будто налетел на каменную стену. Денег становилось все меньше и меньше и вот, в один прекрасный день они кончились. Что делать? Я человек страшно оптимистичный. Я не теряю присутствия духа и по ночам, и днем. Ход моих мыслей был примерно следующим:

«У меня есть три кита. Торговля акциями на бирже, автомобиль – в свободное время буду бомбить, и гадательная книга Перемен – по вечерам буду ее изучать, а потом по ней стану гадать и зарабатывать».

Эти мысли меня грели, но денег не прибавляли. На торговом счете денег осталось очень мало – тысячи три, «бомбежка» на автомобиле не клеилась. Ну, не мое это дело –

возить китайцев с Черкизовского рынка. А гадание по книге Перемен тоже не получалось, больно она тяжелая для европейского восприятия. К лету 2003 года наступил «абзац»: деньги кончались. Я даже не мог купить двенадцатилетнему сыну летнею майку за триста рублей. Ну и ситуация... Просто класс! Я в шоке, выхода не вижу. Напрягая всю силу своего интеллекта, бледнея и потея по ночам, я судорожно соображал, что же делать? Жена не догадывалась, на что мы живем...

Итак, думал я, думал, и решил занять денег. Благо все мое окружение думало, что я торговец ценными бумагами экстра-класса. Сначала я обратился к двоюродному брату. Он давно мне навязывал крупную сумму денег, правда, под приличный процент – что-то под тридцать шесть годовых. Потом на таких же мрачных условиях занял у своей родной сестры. Затем у своего давнего знакомого – под четыре процента в месяц! В итоге набрал неслабую сумму: где-то около шестидесяти тысяч американских долларов.

Я начал жить на заемные деньги. Но через год такой жизни я был едва жив. Торговля не клеилась, а проценты бешено съедали сумму на счете. Надо понимать, что когда достигаешь определенного уровня материального благополучия, то очень трудно с этого уровня уходить вниз, как-то ужиматься. Ты привык ходить в дорогие магазины и рестораны, ездить на дорогие курорты, а тут денег нет даже на простую колбасу, чтобы покормить кошку. Одним словом, через год нача-

ли кончатся и заемные деньги. Что делать? Своих кредиторов я стал подбивать: мол, дела мои идут хорошо, можно еще добавить, проценты ведь плачу хорошие... В итоге я их убедил, они добавили еще штук тридцать. Кое-как держусь, но прикидываю, что денег при таком раскладе хватит от силы, еще на год, а потом все, ку-ку. Конечно, в это время я очень сильно напрягался: и работал таксистом на своей машине, и вошел в какой-то сомнительный «Межрегиональный фонд», предполагая, что это последний шанс выскочить из моего ужасного финансового положения. Но этот фонд оказался очередной финансовой пирамидой. Уже сейчас я понимаю: войти в него было полным маразмом. Ну, как я мог отдать вступительный взнос в три тысячи пятьсот долларов, если в свое время даже для «Гербалайфа» я пожалел сотку? А тут, не раздумывая, отстегнул три с половиной штуки грина... Теперь понимаю: попав в тяжелую ситуацию, человек хватается за любую возможность. А эту возможность в «Межрегиональном фонде» расписывали очень красиво. Мне говорили: «Через год ты будешь зарабатывать десять тысяч долларов в месяц». Ну, да ладно, хватит об этом... После фонда я устроился в агентство недвижимости. Прошел собеседование, меня спросили:

– Лет вам немало, выдержите?

Я ответил:

– Выдержу.

Начал учиться. Учился месяца три, затем начал работать,

однако, потом разочаровался: все давно схвачено, бабский коллектив, одни интриги и сплетни. Ушел оттуда без сожаления.

И вот, как раз в это время, после ухода из агентства недвижимости все и началось. У меня есть не то что друг, а очень толковый компаньон, единомышленник, с которым я познакомился на бирже. Тогда ему было двадцать пять лет. Он мне показался очень способным парнем, с отличной памятью, с юмором, немного, правда, «нетаньяху», но это не важно. Мы с ним переговорили на все интересующие нас темы: про русско-японскую войну, про Первую мировую, про Вторую мировую – до хрипоты в горле. Почему японцы победили, почему адмирал Ухтомский увел эскадру после боя в Желтом море обратно в Порт-Артур под удар тяжелой осадной артиллерии японцев, почему адмирал Рожественский дал себя разбить в Цусимском проливе, почему немцы нас сделали в 1941 году... Затем о древнекитайской философии: о Лао-цзы, о книге Перемен, о Чжуан-цзы, о Конфуции... За те десять лет, что прошли с момента нашего знакомства, парень не опустил, а наоборот, очень сильно поднял свой интеллектуальный уровень. А после крушения Российской товарно-сырьевой биржи ушел на преподавательскую работу и начал читать лекции по фондовому рынку. Одним словом – молодец, учебник написал, диссертацию защитил, много статей в журналах опубликовал. В 2000 году он мне говорит:

– Владимир Васильевич, давайте вместе лекции читать.

Я замахал на него руками:

– Что ты Константин, как можно, я такой крутой трейдер, а тут какие-то лекции...

Но в 2004 году мы все-таки начали вести занятия по фондовому рынку в брокерской компании «Боцман плюс», благо опыта у обоих было хоть отбавляй. У меня стали появляться небольшие деньги. А незадолго до этого произошел следующий случай. В то время я познакомился с книгой Мерфи о подсознании и сознании, где проходит идея о постановке цели в жизни и способах ее достижения. А какая цель у меня была в этот период? – Как подняться, как заработать серьезные деньги. Так вот, иду я по улице, и напряженно думаю: «Где мой миллион долларов? Где мой миллион долларов»? А у Мерфи написано, что если ты будешь держать свое сознание на какой-то цели, то эта цель непременно будет достигнута. Так вот, иду я, значит, по Измайловскому парку и напряженно размышляю о своем миллионе. Мобильный телефон отключен. В голове свербит только одна мысль: «Где мой миллион долларов, где мой миллион долларов»? Потом я говорю себе: «Дай посмотрю, сколько времени». Включаю мобильник, смотрю, сколько времени, и тут звонок Кости:

– Как дела? Готов читать лекции?

Я быстро сообразил, что это был знак Божий, пригодились уроки книги Перемен. Итак, начали мы с Константином читать лекции в «Боцмане», а потом в компании «Феко». Потихоньку, полегонечку процесс пошел, и я стал выполнять кое-

какие обязательства, то есть, отдавать деньги. Хотя получалось где-то две, а где-то и три тысячи долларов в месяц, но мне этого было мало. Кроме того, у меня появилось больше свободного времени. Я перестал торговать на бирже и стал готовиться к семинарам. Торговля на рынке, которая занимала в день до восьми часов, потеряла для меня как интерес, так и смысл. Появилось свободное время: с утра до пяти часов (мои лекции начинались с шести). Я про себя думал:

«Под учебную программу надо взять еще хотя бы пару компаний, чтобы лекции читать не только по вечерам, но и днем. Вот тогда количество денег может увеличиться чуть ли не в два раза. Да еще субботы и воскресенья свободные, а некоторые фирмы любят собирать аудитории как раз по этим дням».

Вообще говоря, я был готов читать лекции и днем, и ночью. И тут как раз руководство «Боцмана» предложило мне прочитать лекцию в «Сити».

– Давай, – говорит мне главный «боцман». – Проведи занятие в Сити, они тебе денег заплатят, а если клиенты с этих лекций придут к нам в компанию, то мы тебе еще ежемесячно десять процентов с их комиссии будем приплачивать.

Я думаю: «Это неплохое предложение, только вот Сити будет собирать группы редко, всего один раз в месяц». Одним словом, прихожу я на лекцию. Передо мной сидит груп-

па человек двадцать, разного возраста. Таких лекций я прочитал к тому времени не менее трех десятков. Тут надо отметить, что во время выступления я падаю в эмоциональную бездну. И причем с такой страшной силой, что народ оказывается в состоянии транса. Я с такой страстью начинаю слушателям доказывать перспективы развития фондового рынка России, что народ моментально возгорается желанием начать торговать. А в конце лекции я мягко подвожу слушателей к идее о том, что деньги лучше инвестировать через компанию «Боцман плюс».

Итак, я заканчиваю лекцию на высокой эмоциональной ноте. В первом ряду сидит дама лет пятидесяти, немного привлекательная, но со следами надвигающейся старости. Гляжу на нее, и вспоминаются строки Есенина: «Пускай ты выпита другим / Но мне осталось, мне осталось / Твоих волос стеклянный дым / И глаз осенняя усталость». По привычке романтизирую ее образ. С другой стороны, думаю про нее: «Ничего особенного, обычная слушательница, коих мы с Костей, моим партнером, видели не одну сотню». После окончания лекции она подходит ко мне, и говорит:

– А вы индивидуальные занятия проводите?

Отвечаю:

– Да провожу, но беру дорого, одну тысячу рублей за час.

Она:

– Нет проблем, оставьте телефон.

Оставил телефон, через месяц звонок:

– Володя, это Надежда, помните меня?

Я:

– Да, конечно помню.

А сам ни черта не помню, столько учеников за это время прошло... Она:

– Как насчет индивидуальных занятий?

– Можно конечно.

– Вы готовы приехать ко мне завтра?

А за окном уже зима, холодно, ветрено, слякотно и противно. Я говорю, морщась в трубку телефона:

– А где вы живете?

– На Беговой. Дом на ножках знаете?

– Да, конечно знаю.

«Еще бы мне его не знать, – думаю я про себя. – В середине семидесятых годов я частенько бывал на Беговой. Я работал на доставке железнодорожных билетов, и этот район был моим».

Она говорит:

– Завтра я вас жду, квартира номер шестьдесят седьмая, второй подъезд, восьмой этаж.

Я ей отвечаю:

– Хорошо, а когда мне приехать, утром или вечером?

– Лучше утром, часиков в десять.

– Хорошо, в десять часов утра я у вас.

Про себя думаю:

«Чего хорошего в такую погоду – ни свет, ни заря, переться на эту Беговую? В обычные дни я только в десять часов встаю, так как ложусь поздно. Ну, да ладно, делать нечего. Как говорится, подписался...»

Спрашиваю у нее:

– Надежда, а сколько вы по времени планируете заниматься?

Она отвечает:

– Ну, часа два. Значит, я жду, когда вы приедете.

– Хорошо, договорились.

Наступило завтра, погода стала еще хуже. Валит снег, наземный транспорт едва ходит. Ужас, а не погода. Я доехал до метро «Беговая» и решил пройти от метро пешком. Этот «дом на ножках» находится от метро не близко – две длиннющие остановки. Иду, а в голове крутятся воспоминания, как я тут носил билеты. Все-таки мысль материальна, она сохраняется там, где ты жил, где в прошлом тебя застали сильные переживания, где ты любил, ненавидел, учился, работал. Иду на занятие, в вокруг места все знакомые. Вот дом номер двадцать два. Это дом работников ипподрома. Я его запомнил, потому что там хорошо подавали на чай. А вот дом номер два. Помню, принес в этот дом билеты. Год шел одна тысяча девятьсот восемьдесят первый. В квартире сидят ребята, человек восемь, девчонки и мальчишки. Пьют, курят, пьяные все и горько плачут. Я продаю им билеты. Спраши-

ваю:

– А что, случилось?

– Сегодня годовщина как Высоцкий умер.

И давай еще сильнее рыдать. Один парень, стоявший сзади, протягивает мне рюмку водки:

– Выпей за упокой души Володеньки.

Я выпил, и ноги понесли меня на Ваганьковское кладбище. Народу к Высоцкому в тот год пришло так много, что очередь растянулась на пять километров. Ну, да ладно, чего все это вспоминать...

Иду по Беговой улице дальше, вот дом номер семь – хороший дом, в те времена в нем жила элита Большого театра. Эти люди были радушными, на чай не скупилась... Дальше здание ипподрома. Помню, в былые времена заезжал сюда, ставил то на иноходцев, то на «коротких», то на «длинных».

А вот и «дом на ножках». Подхожу ко второму подъезду, набираю домофон. Ученица спрашивает:

– Володя?

Отвечаю:

– Володя.

– Проходи.

Поднимаюсь на восьмой этаж. Надежда открывает дверь. В халате, видимо только с постели. Этюд в постельных тонах, одним словом. Она меня спрашивает:

– Кофе, чай?

– Кофе, – почему-то отвечаю я, хотя люблю чай.

Пока Надежда заваривает кофе, я смотрю по сторонам. Квартира стандартная, но хорошо обставлена. На полу огромный, во всю комнату персидский ковер. У стены в углу кожаные пуфики. Под потолком роскошная люстра, на стене висит портрет хозяйки, выполненный маслом. Около пуфиков стоит большой аквариум с флегматичными рыбками. В сторону балкона грустно склонил голову деревянный слон, привезенный, видимо, из Юго-Восточной Азии. В книжном шкафу книги, в основном классика, в другом шкафу рюмки, фужеры и мелкий фарфор. У окна компьютер с большим экраном. Краем глаза вижу – открыты торги на фондовой секции ММВБ¹. В комнату входит Надежда, несет на подносе кофе. Я ее спрашиваю:

– О! Уже торгуете?

– Да какой торгую, только смотрю, я еще не умею торговать. Вот ваше кофе, вот печенье, вот курага, изюм, мед. Коньяка хотите?

– Нет, – говорю, – в другой раз, а сейчас давайте заниматься.

– Давайте, – упавшим голосом отвечает Надежда.

Начали заниматься. На экране компьютера я показываю важные элементы торговой программы:

– Вот окно сделок, вот окно заявок, а вот так строится

---

¹ На фондовой секции ММВБ торгуют акциями приватизированных предприятий и облигациями.

график цен в пятиминутном масштабе.²

Вспоминаю важную мысль и делюсь ею с ученицей:

– Да, кстати говоря, а вы в каком масштабе собираетесь торговать? Внутри дня или между дней?³

Она внимательно посмотрела на меня и говорит:

– А в каком масштабе работаете вы?

Отвечаю заготовкой:

– Я давно на фондовом рынке, поэтому работаю в разных временных масштабах.

Одним словом мы с ней занимаемся. Проходит минут сорок. Надежда говорит:

– Кофе еще хотите?

– Кофе? – механически переспрашиваю я. – Давайте попозже.

Вижу, что надо начинать объяснять тетке серьезные вещи, она уже созрела. Я ей говорю:

– Вот смотрите, цена акций Газпрома начала расти, поэтому эти акции надо купить. Слушайте меня внимательно. Мы покупаем, правда, пока виртуально, одну тысячу акций Газпрома по цене двести пятьдесят три рубля за одну акцию, на сумму двести пятьдесят три тысячи рублей.

---

² На графике цен в пятиминутном масштабе минимальный элемент графика отражает движение цены за 5 минут. Такой график можно сравнить с подробной, мелкомасштабной картой местности.

³ При торговле внутри дня торговец ценными бумагами обязан к окончанию торговой сессии продать ценные бумаги, купленные в течение дня. При торговле между дней он может оставить у себя купленные бумаги на несколько дней.

В это время на наших глазах цена Газпрома резко пошла вверх: двести пятьдесят четыре, двести пятьдесят пять, двести пятьдесят пять с половиной... Через пятнадцать минут цена акций была на уровне двести шестьдесят с половиной рублей.

– Так, – говорю я. – Теперь мы фиксируем прибыль, то есть, продаем акции Газпрома по текущей цене.

Достаю калькулятор и торжественно объявляю:

– Прибыль составила семь с половиной рублей с одной акции Газпрома, а у нас с вами, Надежда, была куплена одна тысяча этих акций. Это означает, что мы заработали за пятнадцать минут семь тысяч пятьсот рублей. Надежда реагирует бурно:

– Ой! Володя, как классно! Такая работа мне начинает нравиться.

За окном валит снег, и кажется, что скоро он завалит весь город.

На следующий день, несмотря на обильный снегопад, мы опять занимались. Опять кофе, опять торговля. В голове вертятся строчки из песни Нани Брегвадзе: «Снегопад, снегопа-а-ад...» При очередной паузе в торговом процессе я спрашиваю свою ученицу:

– Надежда, а зачем вам торговать ценными бумагами? У вас, вроде, все в порядке, отличная квартира в центре Москвы, мебель, рыбки вон плавают, горячая вода, деньги есть на кофе...

Она посмотрела на меня как сквозь меня. Знаете, так некоторые люди иногда смотрят: вроде на тебя, а на самом деле через тебя. То ли у них такое зрение, то ли так у них получается, то ли эта внешняя форма отрешенности, то ли эти люди принадлежат к внеземной цивилизации. В общем, Надежда выждала паузу и говорит:

– Скучно как-то. Куража нет.

– А зачем вам кураж, – говорю я, – когда и без куража у вас все в порядке...

– Да это на каком уровне посмотреть... Все в порядке, все в порядке... Ни хера не в порядке, – вдруг выдает Надежда, как бы подчеркивая свою тревогу, либо свою дисгармонию с жизнью. – Давай лучше выпьем!

Неожиданное предложение. Через минуту она вернулась с кухни, неся в руках бутылку. В ней было грамм двести жидкости чайного цвета (в милицейских протоколах обычно добавляют: «Предположительно коньяка»). Надежда налила рюмку мне, а потом себе. Выпили. Я подержал коньяк во рту. У меня такой стиль: прежде чем выпить, я держу во рту разного рода жидкости.

Надежда спросила:

– Что, не понравился мой коньячок?

– Да нормально, – отвечаю.

– Нормально, – передразнивает хозяйка. – А ведь мы с тобой пьем настоящий Мартель, привезенный из Франции.

– Давайте заниматься, – возвращаю я ее к делу.

Начали заниматься, и я ей рассказываю про «стакан». ⁴

– Вот табличка всех сделок, вот графики, вот индикатор скользящей средней. ⁵

Рассказываю я ей про индикатор скользящей средней, и сам себе не верю. Думаю: «Как можно заработать на таком вялом рынке? Акции Газпрома колеблются рубль вверх, рубль вниз». Смотрю на Надьку. Она внимательно слушает мои объяснения. К трем часам дня она говорит:

– Володя, хотите супчика с севрюгой?

– Хочу, – отвечаю я.

Наливает она мне супец. Кладет туда зелень, делает бутерброд с черной икрой и опять наливает рюмку коньяка. Выпили. Я закусьваю. Думаю про себя:

«Выпивает, значит... Тоска, одиночество... Что-то у нее не так. А что может быть у тетки в пятьдесят лет? Да все, что угодно. Голова может болеть каждый день, месячные там разные, киста развивается в правой груди, да и просто никто не трюхает. Но зачем мне это все знать? Мне надо учить ее, чтобы она зарабатывала деньги, чтобы она разбиралась в стакане, в средних, в моментуме ⁶, чтобы смотрела нефть на Лондонской бирже... Деньги платит

---

⁴ Жаргонное название окна компьютерной программы, в котором отражаются заявки участников биржевых торгов на покупку или на продажу ценных бумаг.

⁵ Один из математических инструментов анализа графика цен.

⁶ То же.

одну тысячу рублей в час. Это хорошо... Да еще супцем с севрюгой кормит».

Прошло занятий пять, а может шесть, уже не помню, но процесс идет. Чувствую, схватывает тетка, но все же я не могу взять в толк, зачем ей это все нужно. Как-то раз, на шестом занятии, уже ближе к Новому Году, она мне говорит:

– У меня есть к вам серьезный разговор.

Я ей сразу:

– Валяйте.

Она выдержала минутную паузу и сказала:

– Давайте в следующий раз.

– Хорошо.

Занимались мы с Надеждой раза три в неделю. Понедельник, вторник, иногда в пятницу. Либо во вторник, четверг и пятницу. Наш разговор проходил в четверг, в середине декабря. Когда я покидал квартиру, то спросил мою ученицу:

– Ну что, когда встретимся снова?

– На следующей неделе. Созвонимся...

Начинается следующая неделя. Понедельник тишина, вторник тишина, среда, четверг... От Надежды никаких звонков. А вот уже и Новый Год наступает. Я думаю:

«Самому что ли позвонить? С другой стороны, а кому нужны эти занятия? Мне что ли они нужны? Обещала, пусть сама и звонит. У меня и так большая нагрузка, чего

же я буду ей названивать»?

Одним словом, проходит неделя, другая, уже день стал прибавляться, уже с Константином обучаем новые группы слушателей, проводим круглые столы, в голову приходят новые идеи... От Надежды вестей нет. Я уже стал ее забывать. Где-то в феврале раздается звонок:

– Владимир привет! Это Надежда. Может, продолжим образование?

Я отвечаю сдавленным голосом:

– Давайте продолжим.

– Приезжайте завтра. Помните, как ехать?

– Хорошо приеду к двенадцати часам.

– А к десяти не сможете?

В этом месте я отвечаю жестко:

– Смогу только к двенадцати.

– Ну, хорошо, жду вас к двенадцати.

Приезжаю. Опять кофе, опять коньяк, опять супец.

– Надежда, куда же вы пропали? – я задаю вопрос, который вертелся у меня на языке с того момента, как я пересек порог ее квартиры.

В ответ она мне говорит:

– Я была в Лондоне, у своего мужа.

– Ну, и как муж? – бестактно вырвалась у меня.

– Муж хорошо, а что с ним будет? Я замужем уже во второй раз, и поэтому этих мужей знаю довольно хорошо. Мой

первый муж был горный инженер...

На этом моменте Надежда задумалась. Я ей говорю:

– Давайте заниматься.

Опять сидим, опять занимаемся. Образовательный процесс вроде идет. Надежда меня внимательно слушает. Примерно через час после начала занятий она берет сигарету и, не закуривая, начинает внимательно меня рассматривать, как будто впервые видит. Она медленно говорит:

– Володя, у меня к вам есть серьезный разговор.

– Я вас внимательно слушаю.

Надежда медленно закуривает, делает несколько глубоких затяжек, долго смотрит на пепельницу. Затем без слов берет бутылку коньяка и резко наливает в рюмки себе и мне:

– Давайте сначала выпьем.

Выпили. Опять пауза. Рассматривает свои ногти, затем опять резко наливает коньяк, как будто задавшись целью выпить всю бутылку:

– Володя, – начала она, – я бы хотела вам предложить один проект.

Я про себя думаю: «Что это с ней? Пьяная сделалась только с одной рюмки».

– Дело в том, что я богата, – продолжала она. – У меня есть проблемы, но у меня также есть деньги, которые не работают, как надо... Я хочу предложить вам взять в управление сумму в один миллион долларов на условиях, которые я готова с вами обсудить.

Теперь уже настала моя очередь взять паузу. Рука Надежды тянется к бутылке. Мы опять выпили. Она мне говорит:

– Вы готовы со мной сотрудничать?

Я отвечаю через паузу:

– Готов.

А сам про себя думаю:

«А вдруг не готов? Сумма то немалая – один миллион долларов...»

И тут меня затрясло мелкой дрожью. Я сильно вспотел. Тем временем Надежда развивала свою идею:

– Вы понимаете, это для меня очень важно – сотрудничать с вами. Если все пойдет хорошо, то я могу резко увеличить количество денег, которые будут у вас в управлении.

В этом месте я ей говорю:

– А сколько денег у вас вообще есть? Я имею в виду свободные?

– Десять миллионов долларов, но я хочу пока рискнуть только одним миллионом.

Тут в разговоре возникла пауза, которую Надежда разрядила, опять разлив коньяк по рюмкам:

– Ну, за успех нашего предпринимательства!

Мы выпили, и здесь я ей выдаю:

– Мои условия следующие. С прибыли – двадцать пять процентов.

Она:

– Хорошо.

Я продолжаю:

– Если заработаем, скажем, сто тысяч долларов, то моя доля – двадцать пять тысяч.

Она отвечает:

– А налог в тринадцать процентов кто будет платить?

Я про себя подумал: «Неплохо считает». Через паузу отвечаю:

– Хорошо, пускай будет двадцать два процента.

Она:

– У меня получилось двадцать один и семьдесят пять сотых.

Я говорю с нажимом:

– Давайте округлим до двадцати двух.

– Ладно, по рукам.

И опять коньяк в рюмку. Не забывает налить также и мне.

Я, серьезно:

– Эти деньги вам надо внести на счет в фирму Боцман плюс.

Она:

– Так у меня там счет уже открыт! Я внесла на него двести тысяч рублей.

Я кивнул головой и продолжил:

– Когда переведете всю сумму, сообщите мне. Деньги должны быть распределены следующим образом... Кстати,

какой у нас сейчас валютный курс?

Она:

– Так, сейчас посмотрю, – моя ученица открывает сайт Центрального банка. – Один доллар США – двадцать шесть рублей семнадцать копеек.

– Значит, – продолжаю я, – на вашем счете будет двадцать шесть миллионов триста семьдесят тысяч рублей. Правильно?

– Да, где-то так.

В этом месте я говорю ей очень строго:

– Не где-то, а именно так! Двадцать миллионов рублей остаются на счете для покупки акций российских приватизированных предприятий, а шесть миллионов триста семьдесят тысяч рублей мы с вами загоняем на срочный рынок, где будем торговать фьючерсами и опционами,⁷ – быстро прикинул я и выдал мой проект Надежде.

Она отреагировала довольно бурно:

– Но я же не умею торговать фьючерсами! И тем более какими-то... Как их там? А, опционами.

Я парирую:

– Зато я умею... Торговать будем следующим образом. Я вам звоню и говорю, когда покупать, когда продавать.

– Володя, мне все понятно.

– Вы в ближайшее время в Лондон не собираетесь?

---

⁷ Фьючерсы и опционы – это производные ценные бумаги, торговля которыми может быть очень прибыльной, но, в то же время, очень рискованной.

– Пока нет, а дальше посмотрим.

Проходит дня три, она звонит:

– Володя, я внесла деньги.

– Отлично, – говорю я ей. – Уже можно приступать к торговле.

Она спрашивает:

– Прямо сейчас?

– Да, Надежда, прямо сейчас. Акции Газпрома очень интересны... Давайте для начала купим немного, скажем, двадцать тысяч. Цена сейчас – двести тридцать два рубля за акцию. Как купите, сразу же перезвоните, чтобы сообщить мне цену сделки, хорошо?

– Хорошо, – эхом ответила Надежда.

Через десять минут звонок:

– Я купила в рынок двадцать тысяч акций Газпрома.

Я говорю:

– Отлично, а по какой цене?

– По двести тридцать три рубля.

– Хорошо, значит у вас куплено акций Газпрома на четыре миллиона шестьсот шестьдесят тысяч.

– Да, где-то так.

– Надежда, давайте считать точно, это деньги.

– Хорошо. А теперь что делать?

– А теперь внимательно следим за рынком.

Через час цена акций Газпрома была в районе двухсот двадцати восьми рублей. Раздается звонок Надежды:

– Володя, цена Газпрома на пять рублей ниже цены нашей покупки, что делать?

Я про себя подумал: «Начинается... Не успели купить, уже паника». Отвечаю ей очень жестко:

– Надежда, операция только начинается, не надо дергаться. Газ⁸ должен вырасти.

Надежда говорит упавшим голосом:

– Хорошо, будем ждать.

На следующий день акции Газпрома стоили еще меньше: двести двадцать один рубль за одну акцию. Моя ученица не звонила, и я ее тоже не беспокоил. Ждем. Через день акции «Газпрома» потихоньку стали расти. Потом рост принял устойчивый характер. На цене двести тридцать шесть рублей я набираю номер телефона Надежды. Она отвечает:

– Да.

– Надежда, надо еще купить акции Газпрома.

– Я боюсь.

Я ей говорю довольно строго:

– Коль вы мне доверились, так уж извольте исполнять то, что я вам говорю, – и с нажимом добавляю. – Немедленно купить в рынок двадцать тысяч акций Газпрома. Понятно?

– Понятно.

– И назвать цену сделки. Все, поехали, как сказал Гагарин.

Через пять минут звонок:

– Взяла в рынок двадцать тысяч Газа. Последняя цена по-

---

⁸ Жаргонное название акций «Газпрома».

купки – двести тридцать семь рублей за акцию.

Я ей говорю:

– Отлично. Надежда, я прошу вас, расслабьтесь. Все будет хорошо.

– Ладно, я расслаблюсь, у меня есть коньяк.

В голове мелькнула мысль: «Все же она пьяница». Беру калькулятор в руку: «Так, сколько денег у нее задействовано? Девять миллионов четыреста тысяч рублей. О! У нее осталось свободными еще больше десяти миллионов рублей. Это хорошо. Так, а как там «Газ»? Смотрю на экран монитора, а «Газ» уже торгуется по цене двести сорок рублей и тридцать копеек. Про себя думаю: «Отлично, держим».

На следующий день, кажется, была пятница. Цена акций «Газпрома» открылась⁹ на уровне двести сорок два рубля за акцию и, вслед за этим пошла вверх со страшной «египетской» силой. Я сразу звоню Надежде. Она отвечает немного повеселевшим голосом:

– Слушаю... Что, закрываемся? Будем фиксировать прибыль?

Я говорю предельно резко:

– Нет, покупаем еще. Двадцать тысяч, и поскорее.

– Володя, вы не ошибаетесь?

– Немедленно покупайте.

– Ладно, покупаю.

---

⁹ Речь идет о цене первой сделки по данным бумагам, которая была зафиксирована на открытии торговой сессии в 10 часов 30 минут по московскому времени.

Через пять минут звонок:

– Володя, я купила двадцать тысяч акций по цене... По какой же цене я купила? Так... По двести сорок три рубля и сорок копеек за одну бумагу.

– Хорошо, – отвечаю я, – держим позицию. Да, кстати говоря, Надежда, никуда не отлучайтесь из дома. Возможно, придется срочно фиксироваться, объем купленных акций у нас очень большой.

Она отвечает:

– Слушаюсь, товарищ генерал. А выпить хоть можно?

– Подожди со своей выпивкой, видишь, Газ на уровне двести сорок пять рублей запилится?¹⁰

– Что же делать?

– Внимательно смотреть на движение цены и быстро реагировать, если она начнет падать.

– Слушаюсь, товарищ маршал.

Про себя думаю: «Хорошо, уже повысила меня в звании до маршала». После разговора с Надеждой прилипаю к экрану монитора и внимательно слежу за движением цен. Как-никак, я взялся за управления ее деньгами, значит, надо сидеть и наблюдать, зарабатывая деньги и себе, и ученице. Замечаю, что акции Газпрома опять пошли в рост. Цена – двести сорок восемь рублей. Думаю, может еще купить? Денег у моей подопечной хватит, чтобы взять по этой цене не менее двадцати трех тысяч акций. Смотрю на экран – цена по-

---

¹⁰ То есть начал колебаться на каком-то одном ценовом уровне.

что что двести сорок девять рублей. Смело набираю Надькин номер:

– Але, – слышу ее голос и чувствую, что она уже приняла.

– Надежда, надо еще купить двадцать тысяч акций, завтра цена будет выше.

– Ща те, двадцать тысяч, разбежался об забор, и так купили до хера, надо уже продавать, вон, смотри, генерал, хаха, цена вниз пошла.

Я содрогнулся от такого текста, но делать нечего. Пришлось повесить трубку. Продолжаю следить за рынком. Последняя цена по «Газу» прошла на уровне двести сорок восемь рублей и десять копеек. «Зря, – думаю, – больше не купили».

В понедельник на улице стоит отличная погода: яркое солнце, синее небо. Дело идет к весне. Торговля на бирже по акциям «Газпрома» открывается на уровне двести пятьдесят два рубля. Я раздраженно смотрю на цену и думаю: «Вы, Владимир, сможете управлять моими деньгами – это слова Надьки, сказанные мне не так давно. А как можно управлять деньгами, если хозяйка все время датая? Сейчас надо покупать немедленно, а она, небось, еще в постели, и, ни ухом, ни рылом». Пока эти мысли крутились у меня в голове, цена на «Газ» поперла вверх с такой страшной силой, что не оставила никаких сомнений в том, что надо докупать еще. Звоню Надежде:

– Срочно покупаем Газ в рынок. Еще двадцать тысяч.

Надежда отвечает сонным голосом:

– Может быть, уже поздно?

– В пятницу своей нерешительностью вы меня уже сбили.

Пока мы разговаривали, акции «Газпрома» дошли до уровня двести пятьдесят пять рублей. Резко говорю в трубку:

– Надежда, срочно покупаем Газ.

– Хорошо, – отвечает она.

Через десять минут звонок:

– Взяла в рынок двадцатку. По двести пятьдесят восемь рублей.

Про себя думаю: «Послушала бы меня Надька в пятницу, купили бы акции на десять рублей дешевле». Ну, да ладно, смотрим в таблицу котировок... Что там с ценой? А цена уже двести шестьдесят один рубль.

Выхожу на кухню попить чаю, беру чашку и задумываюсь: «Может, еще купить, но уже со второго счета»? Звонок телефона обрывает зарождающуюся мысль. Надежда истерично кричит в трубку:

– Все падает! Что делать? Зачем мы купили последнюю двадцатку по такой высокой цене?

Я тут же метнулся из кухни к компьютеру. Ба! Газпром торгуется по двести пятьдесят шесть рублей и двадцать копеек. Надька нервно говорит в трубку:

– Ну, что вы молчите? Вы меня слышите, или нет?

А я молчу. Молчу, потому что надо принимать решение. Либо держать весь объем, а он у нас немаленький – восемь-

десять тысяч акций «Газпрома», либо немедленно все продать по текущей цене. Пока я думал, цена немного поднялась – копеек на двадцать, а потом опять начала ползти вниз.

– Володя, что вы молчите? – надывается голос в трубке.

Я принимаю волевое решение:

– Надежда, – медленно говорю я. – Все продать в рынок!

– Как все? Сейчас цена двести пятьдесят шесть, а мы последнюю сделку провели на два рубля выше... У нас будет убыток в сорок тысяч рублей!

Я как заору:

– Немедленно все продать, мать твою, в рынок! Поняла?

Она не ответила, но я понял, что Надька выполнит мои указания. Вскоре звонок:

– Все продала. По средней цене двести пятьдесят пять рублей и семьдесят копеек.

– Отлично, Надежда, отлично... – говорю я ей.

Тут же беру в руку калькулятор и подсчитываю прибыль. «Так, значит, раз купили, два купили, три купили, это уже в пятницу, и, вот, последняя покупка неудачная, – начинаю я разговаривать сам с собой. – Получается, что мы купили акций Газпрома на девятнадцать миллионов четыреста восемь тысяч рублей, а продали на двадцать миллионов четыреста пятьдесят шесть. Таким образом, наша прибыль составила один миллион сорок восемь тысяч».

Набираю номер Надьки. Она взяла трубку. Я ей говорю:

– Надежда, наша прибыль – один миллион сорок восемь

тысяч рублей или сорок тысяч долларов. И это только за неделю работы.

В ответ следующая реплика:

– У меня получается другая цифра – тридцать восемь с половиной тысяч долларов.

– Может, комиссию неправильно подсчитали?

– Может быть, – как то мрачно отвечает она.

Я выждал паузу и говорю ей уже весело:

– Когда приезжать за деньгами?

– Не знаю, завтра я буду занята. Давайте созвонимся потом.

– А как же торговля? – вырвалось у меня.

– Созвонимся.

Все, разговор закончен. Ну, как говорится, началось. Как делиться прибылью, так нет времени... Ну, почему это так?

Несколько дней я не торговал, следил за рынком. «Газ» упал в цене до двухсот тридцати двух рублей. Надежда не звонит. Наступили какие-то серые будни. Нет никакого куража – ни на рынке, ни в жизни, есть только солнце, небо и весна. Как же все-таки хорошо весной! Даже в Москве... Воздух становится прозрачный, после зимнего смога расцветают девушки, а девушки – это достояние столицы. И ты не замечаешь пробок на дороге и сутолоки в метро. Одним словом, классно жить в большом городе.

Цена акций «Газпрома» продолжает падать, и уже идет по двести шестнадцать рублей. От Надежды ни привета, ни от-

вета. «Опять, что ли, в Лондон улетела»? – думаю я. Внезапно раздается телефонный звонок:

– Володя, привет. Я в Лондоне. В Москве буду в среду. Тогда-то мы и продолжим торговать Газом. Хорошо?

Я только и успел сказать:

– Хорошо.

В трубке пошли гудки.

Итак, наступила среда, за ней четверг, а потом пятница. Надежда не появилась. Не было от нее звонка и в субботу. Только в понедельник днем она звонит и, как ни в чем не бывало, говорит:

– Володя, привет, я вернулась. Вы готовы торговать со мной акциями Газпрома?

– Готов, но хотелось бы получить деньги.

Она отвечает с явно заметным раздражением:

– Сколько я вам должна?

Я реагирую быстро:

– Четвертая часть от сорока тысяч долларов, минус комиссия... Восемь тысяч девятьсот долларов.

Она говорит через паузу:

– Наверное, где-то так... Но в настоящее время у меня таких денег нет, – после этих слов в трубке наступает неприятная тишина. – У меня есть четыре тысячи долларов. Эта сумма вас устроит? Хотя бы на первое время?

– Да, устроит. Снимите ее со счета.

– А вот этого мне бы делать не хотелось. Денежную массу

надо ведь увеличивать, не так ли? Чем больше денег на счете, тем больше можно купить акций. Вы же сами меня так учили...

Я закипел и еле-еле сдержался от того, чтобы не нагрубить:

– Ладно, давайте решим этот вопрос завтра.

– Завтра я не могу, давайте послезавтра. Я буду на Новой Басманной, с трех до четырех часов, у дома номер двадцать пять. Послезавтра созвонимся. Да, кстати говоря, а не пора ли снова купить Газку?

– Не пора, – и я нажал на кнопку сброса.

«Во дает! – закрутилось в голове. – Как деньги зарабатывать, так сю-сю-му-сю, а как отдавать, то хрена лысого».

Конечно, через день, мы с ней не встретились, она «не смогла», и только через три дня, в воскресенье, она звонит:

– Приезжайте на Басманную улицу, дом двадцать пять к двум часам.

Я ей говорю:

– Хорошо, приеду.

И тут же ко мне обращается жена:

– Давай сгоняем на ВДНХ, там выставка цветов.

Я ей отвечаю:

– У меня сегодня встреча с учеником.

– В воскресенье?

В ответ я пробурчал что-то невнятное. В результате жена с сыном уехали на выставку без меня. На улице слякотно,

повалил снег. «Вот погода, – думал я. – Вроде по календарю весна, а снегу на дворе, как в январе». В час звоню Надежде. Ее телефон отключен. Звоню ей в два часа – то же самое. Начинаю злиться: «На выставку с женой не поехал, и денег не получил».

Только в четыре часа от нее звонок:

– Володя, я на Басманной, а где вы?

«Вот здорово, а где я? – думаю я про себя. – А где мне быть? Конечно, дома». И я в ответ выдаю:

– Надежда, мы с вами договорились встретиться в два часа на Басманной, а сейчас уже четыре часа, поэтому я дома, и, видимо мы с вами сегодня не встретимся, опять-таки по вашей вине.

– Володя, ну не надо так, я просто забыла включить телефон. Ну что вы так разнервничались? Я сейчас на Басманной, однако, через двадцать минут уезжаю к своим знакомым за город.

– Я вижу, что сегодня наша встреча не состоится, – вывожу я упавшим голосом.

– Я поеду через Каширское шоссе, если хотите, мы можем встретиться на пересечении Каширки и МКАДа.

– Хорошо, а через какое время вы там будете?

– Я буду там через час, если, конечно, на дороге не будет пробок.

А снег идет и идет, превращаясь в кашу из грязи и воды. Завожу автомобиль. Поехал. Через сорок минут прибыл на

условленное место. Надежды, конечно, нет. Набираю ее номер:

– Вы где?

Она отвечает:

– Еще еду. Страшные пробки. Как приеду, позвоню.

Ее нет через десять и через пятнадцать минут... Нет ее и через полчаса. Мимо идут машины, обдавая меня грязью. Аварийные огни моего автомобиля едва видны в надвигающейся ночи. Я опять набираю ее номер:

– Надежда, вы где?

– Подъезжаю. А вы где?

– Стою на МКАДе, там, где выезд на Каширское шоссе в сторону области.

Мы нашли друг друга, когда уже стемнело. Я – на своем стареньком серебристом «Форде», и она – на новеньком «Лексусе» черного цвета. Я перешел в ее машину. Хороша! Не Надька, а ее машина. Внутри кондиционер, играет приятная музыка, сиденья теплые, одним словом, класс! Перекинулись двумя-тремя фразами. Она спрашивает:

– Как рынок?

Я ей отвечаю:

– Нормально, но пока ничего покупать не надо.

– Что это так?

– Да так, какой-то стояк.

– Стояк, это хорошо.

– Это хорошо в постели, а на фондовом рынке это плохо.

Мы помолчали несколько секунд.

– Ну, что у нас с деньгами? – начал я.

– У меня с собой только полторы тысячи долларов, – обрадовалась она меня.

– Как? – я вытаращил на нее глаза. – Вы же должны были привезти четыре тысячи, где они?

Глядя в зеркало заднего вида, Надежда начала поправлять прическу:

– Володя, прошу меня извинить. Я зашла в магазин и увидела классную вещь за две тысячи пятьсот долларов. Не утерпела, купила. Вы же знаете, какие мы женщины транжирки... Я прекрасно помню, что я вам должна еще около трех тысяч долларов. Все отдам на днях.

Я почти закричал, а потом зашипел, как ядовитая змея:

– Вы мне должны не три тысячи, а четыре тысячи девятьсот шестьдесят один доллар плюс две тысячи пятьсот, которые не донесли сегодня и того, – я готов был ее искусать, – семь тысяч четыреста шестьдесят один доллар США.

Надежда начала копаться в своей сумочке. Сначала достала ключи, потом одноразовые салфетки, затем появились замурзанные гринь. Начала считать вслух:

– Одна, две, три, десять, двенадцать, тринадцать, ой, только одна тысяча триста долларов. Ну, не расстраивайтесь, я вам все отдам на следующей неделе.

Взяв деньги, я резко вышел из машины. Даже не попрощался. По дороге домой у меня в голове свербела следующая

МЫСЛЬ:

«Вот тебе и миллионеры, вот тебе партнерство... У самой денег, как грязи. А со своим компаньоном не может рассчитаться. Пока она со мной до конца не расплатится, торговать с ней не буду».

В понедельник Надежда звонит и спрашивает у меня, как ни в чем не бывало.

– Я тут смотрю, Газ торгуется по низкой цене. Может, его прикупить?

– Нет, сейчас мы покупать его не будем.

– А мне все же хочется его купить. Он торгуется ниже той цены, по которой мы покупали месяц назад.

– Да, цена на Газ сейчас – двести двадцать восемь рублей за акцию, но это еще не означает, что его надо покупать. Тенденции на повышение пока нет.

– Но я хочу купить его, – шепчет она. – Ну, пожалуйста, Володечка, разреши мне купить Газпрома.

– Нет, не разрешаю, – твердо говорю я.

– Ну, хоть немного, тысяч десять, – капризно продолжает Надежда.

– Брать не будем, потому что условия для роста еще не созрели.

– А я все равно возьму, потому что чувствую, Газ уйдет вверх.

– Если возьмете, то за эту сделку я никакой ответственности не несу. Понятно?

Она вешает трубку. Через двадцать минут акции Газпрома стоят двести тридцать один рубль. И тут же Надькин звонок:

– Володя, ты видишь, какие цены? А я успела купить по двести двадцать восемь рублей и тридцать копеек. Причем те самые десять тысяч акций. Ах, какая я молодец!

После чего она отключает связь.

На следующий день «Газ» торгуется по двести тридцать пять рублей. Во как! Надька опять звонит и говорит веселым голосом:

– А я еще Газку прикупила, ха-ха, по двести тридцать три рублика!

– Сколько? – спрашиваю я мрачным голосом.

– Сколько, сколько... Сорок тысяч акций, во сколько!

Я все внимание сосредоточил на движении акций Газпрома. Думаю про себя: «Хоть бы ты упал, хоть бы ты упал, засранец, ну, дай вниз, ну дай, что тебе стоит упасть рубликов на пять, на семь, чтобы эта дура получила, наконец, убыток». Никогда в жизни я не мечтал о мщении с такой силой. Но «Газ» рванул вверх, и к вечеру цена была двести сорок пять рублей за акцию. А закрытие прошло на уровне двести сорок девять рублей.

На следующий день Газпром торговался по двести пятьдесят четыре рубля. Я весь синий, потому что отвратительно

спал. Я мрачно смотрю на стремительный рост «Газа». С ростом цен таял мой ореол великого трейдера в глазах Надежды. Мои невеселые мысли прерывает звонок с мобильного.

– Володя, привет, видите, что с Газом делается?

– Вижу, ну и что?

– Как, ну и что? Это я его с утра толкнула вверх, купила по открытию почти на все деньги, которые у меня были.

Мое горло схватил удушливый кашель и по лицу полились слезы. Надежда продолжала:

– С утра я сразу купила тридцать с лишним тысяч акций по двести пятьдесят три рубля, а вы мне говорили, что покупать нельзя... Кстати, я докупалась по вашей тактике. Растет – докупаемся. Вот так, Володечка.

И, не прощаясь, отключилась.

В течение торговой сессии я мечтал, чтобы цена акций «Газпрома» пошла вниз, но этого не произошло. Наоборот цена дошла до двухсот шестидесяти пяти рублей. После закрытия сессии я взял калькулятор и посчитал, сколько же денег заработала Надька. О, ужас! Более двух миллионов рублей! Или семьдесят восемь тысяч американских долларов! И все без меня... Я оказался за бортом этой операции. Моих денег здесь нет. Вдобавок, я еще и посрамлен. Правда, она не зафиксировала прибыль,¹¹ а деньги на счете появится только после того, как она эти акции продаст.

Утро следующего дня. Картина та же, цена акций «Газа»

---

¹¹ Зафиксировать прибыль означает продать ранее купленные акции.

уверенно растет. А я мечтаю, чтобы рынок у Надьки отнял хотя бы половину ее прибыли, но цена по «Газпрому» падать не собирается. Она идет вверх, и только вверх. На уровне двухсот семидесяти трех рублей цена дернулась вниз, затем вверх, потом пошла вбок и затем внезапно начала заваливаться. Я радостно закричал: «Давай, давай», как будто стоял в продаже¹² и хотел, чтобы цена акций рухнула до ста рублей. Через некоторое время я посмотрел в зеркало и, увидев свое отражение, подумал: «Ну, и рожа у тебя, Шацкий! Гримаса иезуита».

Смотрю в монитор компьютера и бормочу про себя какие-то заклинания. Цена акций уходит вниз. Двести семьдесят, двести шестьдесят восемь, двести шестьдесят семь. Я про себя говорю: «Хорошо, хорошо, давай вниз, вот получи, получи». Со стороны, наверное, я был похож на мелкого психа, который сам с собой играет в морской бой. Продолжаю говорить про себя: «Сегодня рынок, наконец, тебя порвет». Но закрытие прошло по цене двести шестьдесят пять рублей и никакого разорения Надьки не произошло.

Через два дня цена акций «Газпрома» достигла отметки двести девяносто пять рублей. Я был в шоке. Надька мне не звонила, и я ее тоже не беспокоил. Настроение у меня было такое, что хотелось утопиться. «Пропустил такой сильный рост, – корил я себя. – Обиделся на Надьку, а что добился?»

---

¹² «Стоять в продаже» означает взять займы у брокерской фирмы акции и продать их с обязательством обратного выкупа, рассчитывая на падение цен.

Решил ее воспитывать, пока денег не отдаст, не стал с ней торговать, ну и что? Надька без меня вон, сколько денег нарезала».

Потом наступило первое апреля, и российский фондовый рынок рухнул вниз, видимо, решив отметить день дурака. Цена закрытия акций «Газпрома» – двести восемьдесят один рубль. Я злорадно подумал: «Закрыла Надька свою позицию или нет?». Через десять минут раздается ее звонок, прямо телепатия какая-то:

– Володя, привет, я сегодня продала весь Газ.

У меня вырывается с хрипом:

– По какой цене?

– По двести девяносто четыре. Правда, классно? В одиночку я заработала больше, чем мы в прошлый раз вдвоем, а вы меня не поздравляете? Ведь я ваша лучшая ученица. Знаете, сколько я нарезала?

– Сколько? – бестактно вырвалось у меня.

– Более четырех миллионов рублей или сто семьдесят тысяч долларов! Вот так, господин учитель.

– Надежда, – собрав в кулак всю свою волю и тактичность, произнес я. – Я вас поздравляю, но хотелось бы получить свои деньги.

– Притом за неделю, и делиться ни с кем не надо, – оптимистично заявила Надежда, не обращая внимания на мою просьбу. – Правда, здорово? Если дело пойдет так и дальше, то зачем вы мне тогда нужны?

– Надежда, – гну я свою линию. – Вы еще на прошлой неделе обещали мне отдать деньги, которые я заработал. И я что-то их не вижу.

– Ну, ладно, Владимир, приезжайте ко мне завтра часиков в двенадцать.

– Хорошо, завтра я у вас в двенадцать часов.

А сам мыслю: «Хоть и дел полно, но ехать надо, пока она не передумала». Беру калькулятор в руку и считаю, сколько я упустил: «Мама дорогая, четверть от ста семидесяти тысяч составляет... Более сорока двух тысяч долларов США»!

На следующий день я еду к ученице. Сажусь на троллейбус, который идет от метро «Белорусская». Остановка «улица Расковой». Выхожу из троллейбуса. Напротив меня «дом на ножках». Эх! Ведь когда-то я здесь жил... Сколько мне тогда было лет? По моему, двенадцать... На девок уже заглядывался, дрался с пацанами из соседнего двора, прогуливал школу, пряча портфель в кирпичи, сложенные для строительства нового дома. А вот ресторан «Советский». Помню, как в те далекие годы пошли мы с мамой и сестрой туда пообедать. Накормили нас каким-то дерьмом, и, вдобавок ко всему, обсчитали. Мама тогда поругалась с официантами, а потом переживала, что мы с сестрой остались голодные. Да, давно это было... Нет теперь уже ни мамы, ни папы, и сестры тоже нет.

С этими мыслями я подхожу к Надькиному подъезду, звоню по домофону, а ее дома нет. Набираю ее номер на мо-

бильнике – не отвечает. Что делать? Начинаю ее ждать и параллельно на нее злиться: «Ну что это за человек, не первый раз меня подводит, ну как с ней о чем-то можно договариваться»? Хожу около ее дома, жду. А мысли опять улетают в далекое прошлое. Вот, напротив меня виден стадион Юных пионеров. Помню, как мы с отцом учимся там играть в большой теннис, а вот я с соседским парнишкой катаюсь на коньках... Тогда на стадионе каждую зиму заливали каток. В те годы зимой в каждом дворе были катки, а теперь дети не знают, что такое каток, что такое коньки, что такое голубой лед... Также вспоминаю, как по улице Беговой продавал билеты на поезда. В те далекие годы была такая услуга – люди заказывали железнодорожные билеты по телефону, и я работал на доставке. Раз, помню, приношу билет рано утром, часов в девять. Открывает дверь абсолютно голая девица. Спрашивает:

– Чего тебе?

Отвечаю:

– Билеты на Киев заказывали?

– Заходи.

Зашел. Загуляли. Ах! Молодость, молодость...

А Надьки все нет, и телефон ее молчит. Наконец звонит сама:

– Владимир, извините, пришлось отъехать, буду минут через двадцать. Подождите меня около дома, пожалуйста.

Но, ни через двадцать, ни через тридцать и даже через

сорок минут ее нет. Я звоню ей на мобильный, но ее номер недоступен. Я плюнул, грязно выругался и поехал по своим делам. Только часа через два она мне соизволила позвонить:

– Владимир, еще раз извините, я разбила на своем автомобиле фару. Где вы сейчас? – и, не давая мне вставить слово, продолжила. – Я уже дома, можете приезжать.

Я бросил все дела и опять поехал на Беговую. Мне очень хотелось получить свои деньги. В пять часов я был у нее.

– Как же я классно сыграла, – отворяя мне дверь, без приветствий, сразу выдала Надька. – И, знаете, ваша школа... Вы, Владимир – гений передачи знаний... Обучили меня очень быстро... И такой результат... Давайте за это выпьем.

Сидим, пьем коньяк. Она забрасывает ногу на ногу, и говорит:

– Все же хорошо, что мы с вами встретились... Что бы я без вас делала...

Закончив эту фразу, она порывисто встает с кожаного дивана и уходит в прихожую. Возвращается с элегантной сумочкой. Достает из нее пачку долларов, быстро отсчитывает семь тысяч семьсот, и со словами «Заслужили, получите», дает мне. Я пересчитываю и говорю:

– Надежда, я должен вам сдачи сорок долларов.

– Да ладно, Владимир, не будем мелочиться. Вы научили меня торговать и это мне безумно нравится.

– Спасибо, конечно, но знайте, что путь трейдера тернист и порой очень тяжел. Сегодня у вас получилось очень хо-

рошо, но нельзя расслабляться, надо совершенствоваться и дальше.

– Хорошо Владимир, я попробую торговать одна, но периодически буду обращаться к вам за советом. Договорились?

– Договорились. Обращайтесь, спрашивайте, но помните о торговой дисциплине.

Прошел день, прошел другой, а на фондовом рынке ничего существенного не происходило. Акции «Газпрома» вяло колебалась в ценовом диапазоне двести восемьдесят пять–двести восемьдесят восемь рублей. Одним словом, полный стояк.

Наступила середина апреля. Поигрывает веселыми лучиками солнышко. Стоит замечательная погода, уже потихоньку начинают разворачиваться зеленые листочки. У меня очень хорошее настроение, так как появились какие-то деньги и не надо судорожно думать, где достать хотя бы одну тысячу рублей. Жизнь потихонечку налаживается. Проходит еще несколько дней, звонит Надежда:

– Ну что, Владимир, пора брать Газ?

– Не знаю... Рынок стоит. Думаю, что покупать рано, нет тенденции на повышение.

– А мне тут сон приснился, будто я мою огромного слона, а потом этот слон медленно лезет на огромную гору.

– Ну и что? Причем здесь слон и акции Газпрома? Я что-то не понимаю? Слон – вроде не бык.¹³

---

¹³ Бык – символ роста цен.

– Да ты вообще ничего не понимаешь, ни в снах, ни в словах, ни в женщинах, ни в акциях.

И тут же Надежда отключилась. Как выражается молодежь «типа поговорили о фондовом рынке».

В этот день она мне звонила еще несколько раз, сообщив, кроме всего прочего, что, несмотря на мои предостережения, она все же купила акции «Газпрома» в размере двадцати тысяч бумаг по цене двести восемьдесят девять рублей за одну штуку.

– И толкнули цену акций Газпрома на целый рубль, – усмехнулся я.

– Да, толкнула, – сказала она весело. – А чего не толкнуть, коль цена никуда не двигается. Надо же пацанам путь указать, а то совсем зачахнут у своих компьютеров, ха-ха-ха.

Смотрю на экран монитора и про себя думаю: «Ай, да Надька, ай да молодец – опять Газ начал расти, опять она денег поднимает». На следующей день Надежда покупала «Газ» еще и еще, по более высоким ценам, а через день сообщила, что купила на все оставшиеся деньги шестьдесят тысяч акций по цене где-то двести девяносто шесть рублей.

– Надежда, – спросил я ее. – А на основании чего вы покупаете?

– На основании моего сна – слон на горе, да и чуйка подсказывает, что Газ будет скоро стоить больше трехсот рублей. Вот там я и буду брать прибыль.¹⁴

---

¹⁴ То есть, продавать ранее купленные бумаги.

Через калькулятор я «пробил» ее покупку и вижу, что она накупила «Газпрома» на все свои деньги – на двадцать три миллиона рублей! «Очень рискованно она действует, – отметил я. – Как бы это все не обернулось против нее. Очень плохой Доу-Джонс,¹⁵ Европа поглядывает вниз, Азия со своими японцами и китайцами готова обвалиться, а она накупила на все. Позиция у нее очень рискованная». Но Надежда меня не слушает. Слон на горе – это ее главный аргумент.

К обеду котировки «Газа» подросли, и торговля пошла по цене двести девяносто семь рублей сорок копеек. «Что же так миллионерам везет, – думал я. – Что ни сделают, все туда... А вот, если бы я купил, то наверняка бы цена по Газу завалилась, и открытая позиция вымотала бы всю душу».

Итак, цена по нашему эмитенту потихонечку подрастала, но достичь уровня в триста рублей никак не могла. Проходит один день, другой, третий – цена болтается в небольшом торговом коридоре.¹⁶

– Надежда, – говорю я моей ученице как можно спокойно-нее. – Мне ситуация не нравится... Видите, цена не растет уже третий день. Это не очень хорошие признаки. Сейчас мы находимся в области высоких цен. Возможно, отсюда цена начнет снижаться и необходимо будет довольно быстро за-

---

¹⁵ Плохой Доу-Джонс – эта фраза означает, что важнейший американский показатель динамики фондового рынка начал падать.

¹⁶ Торговый коридор – фрагмент на графике, на котором цена колеблется между двух уровней.

крыть вашу позицию, то есть, продать все ваши акции в рынок.

– Даже и не подумаю, – парирует она. – Что, разве цена прошла уровень в триста рублей? Продавать буду не ниже трехсот... Я поставила себе цель, и я ее добьюсь.

И добавляет мягким голосом:

– Владимир, мне сейчас очень нужны деньги.

«Ха! Ей деньги нужны, а другим деньги как бы и не нужны, – меня охватила злоба. – Вот, чертовы миллионеры, все им мало... Денег, как грязи! Есть десять миллионов долларов, и оказывается, что это очень мало, и денег не хватает ни на что»!

Я пошел на кухню, поесть борща. Его сварила Катюшечка, моя жена. Я ем борщ и возмущаюсь Надькиными приколами насчет нехватки денег:

«Сколько Бог вам ни дает – все вам мало! А тут бьешься, бьешься, чтобы заработать лишнюю тысячу рублей и хрена лысого. Ну, где здесь вселенская справедливость? Эти Абрамовичи, Мордуховичи, Дерипаски... Как ни заглянешь в Форбс, так они каждый год по несколько миллиардов долларов прибавляют, а тут только концы с концами едва сводишь».

Возвращаюсь обратно к компьютеру. Мать честная! За то время, что я ел борщ и завидовал миллиардерам, цена на «Газ» просто рухнула. Я не верю своим глазам. Торговля идет на уровне двести восемьдесят девять рублей... И это за пятнадцать минут! «Это на девять рублей ниже, чем последняя покупка Надьки, – я беру в руку калькулятор. – Ого! Надежда потеряла уже полмиллиона рублей».

Набираю ее номер, а она что-то мычит в трубку. Понимаю, что моя ученица в шоке. Конечно, она ничего не продала и осталась в открытой позиции на все свои деньги. Фондовый рынок – это довольно рискованный сектор экономики и я Надежду об этом предупреждал. Очень часто начинающие торговцы, зарабатывая на первых сделках большие деньги, потом отдают рынку все.

В этот день закрытие «Газа»¹⁷ было зафиксировано на уровне двести восемьдесят три рубля. В США вышли очень плохие новости, касающиеся перспектив экономического развития на ближайший год. Как следствие, все цены на акции в мире полетели вниз, потому что когда заболевает Америка, чихают на всех остальных континентах.

На следующий день для тех, кто остался в акциях, наступила катастрофа. Фондовый рынок России открылся резко вниз. Цена на «Газ» – двести семьдесят пять рублей! Тут уж мне стало не до злорадства. Я понял, что надо спасти Надь-

---

¹⁷ То есть, последняя цена в ходе торговой сессии, зарегистрированная ближе к 18 часам 45 минутам по московскому времени.

ку. Но моя подопечная на звонки не отвечает. Я вообще не знаю, что с ней. «Как бы с горя не спилась, – в голове замелькали нерадостные мысли. – Она у нас ведь любит выпить». К обеду цены были еще ниже, и, что самое неприятное, не было видно, где рынок успокоится. Только к вечеру я дозвонился до Надежды. Она отвечает мрачно. Чувствую, что крепко приняла. Я пытаюсь ее убедить:

– Если цена пойдет ниже, надо закрывать позицию.

– Как закрывать? Ты что, предлагаешь мне продать мои акции по таким ценам?! – в голосе Надежды я услышал сталинские интонации («ви что, товарищ, прѣдлагаете сдать нэмцам Москву?»), и дальше идут ругательства. – Ты что, идиот? Как я могу закрыться, когда у меня такие убытки. Ты, козел, ты что мне предлагаешь?

Про себя я подумал:

«Тут бы закрыться по стопу¹⁸, кончить всю эту историю. Раз пошла такая пьянка, и, раз пошли такие базары, то о каком сотрудничестве может идти речь?»

Но вместо этого я почему то начинаю либеральничать:

– Да ладно, – говорю я ей как можно мягче, – что ты взъерепенилась? Разве не понимаешь, что цена может уйти

---

¹⁸ Закрыться по стопу – продать акции с минимальным убытком; выйти из какой-то неприятной жизненной ситуации с минимальными потерями времени и энергии.

значительно ниже, и потери будут во много раз больше?

– Пошел на хер, сраный козел, – говорит она мне. – На хер ты мне нужен со своими советами? Много ты на рынке поднял денег? Да такие объемы, которыми я управляю, тебе и не снились! Возьму сейчас денег подкачаю на свой счет, пару лимонов грина, и еще куплю, вот тебе и вся стратегия. Я здесь все поняла. Эти обвалы делают классные пацаны, чтобы вытряхнуть из акций слабаков, вроде тебя. А я сильная женщина, и буду закрывать Газ только выше трехсот рублей. Я торгую на свои деньги, и не лезь ко мне со своими идиотскими советами. Пошел на хер, добродетель хренов!

В этом месте я повесил трубку. Ну, что здесь можно сказать? А тем временем «Газпром» как будто подслушивал наш разговор. После того, как мы разъединились, он одним ударом (страшно вспомнить) полетел вниз без остановок. Пошли массированные продажи. В стакане замелькали лоты по пятьсот тысяч акций, а ближе к вечеру в продаже можно было увидеть «болванки»¹⁹ по миллиону бумаг. Пошел сброс, как говорят на бирже, по любой. К закрытию из акций «Газпрома» сделали отбивную. Цена одной бумаги дошла до уровня двести пятьдесят два рубля. Потери у Надьки были большими – более ста десяти тысяч долларов! Вот что бывает, когда не слушаешься опытных торговцев.

Однако, по правде говоря, об этом я узнал не сразу, а где-

---

¹⁹ «Болванка» – это заявка на покупку или продажу с очень большим объемом акций.

то через месяц. После того обвала Надька притащила на рынок еще два миллиона долларов – это более пятидесяти двух миллионов рублей и начала страшными объемами скупать «Газ» по любой цене: пятьдесят тысяч акций по двести пятьдесят рублей, еще пятьдесят тысяч акций по двести сорок шесть рублей. «Вот дура, – сказал я сам себе, когда узнал об этих сделках. – Ты же теперь у нас на рынке самая умная и все знаешь, ну, и флаг тебе в руки. Вперед, к полной победе капитализма».

Несколько дней торговля по «Газу» шла в узком коридоре: двести сорок шесть рублей на двести пятьдесят, затем началось новое, очень серьезное падение, и, по прошествии трех дней «Газ» стоил уже двести тридцать рублей. Затем на рынке наступил застой: цена запилилась в районе двухсот тридцати-двухсот тридцати пяти рублей. Эти колебания продолжались в течение нескольких недель.

Я уже почти перестал обижаться на Надьку. А что, собственно говоря, произошло? Ну, накупила тетка газовых бумаг почти на два миллиона долларов... Но, ведь это ее личное дело! Денег у нее много, наверняка свою позицию закроет в плюс. Это не наши нищенские счета с трестами тысячами рублей... Деньги липнут к деньгам!

И я решил ей позвонить:

– Как дела? Это Владимир.

– Узнала, – ответила Надежда, и дальше продолжила очень спокойно, как будто мы расстались вчера. – Вот, сей-

час акции Газпрома болтаются в ценовом коридоре. Как вы думаете, что будет дальше?

– Надежда, вы же определили свою торговую стратегию: чем ниже цена – тем больше покупать. Так что если Газ упадет еще ниже, то его надо докупать.

– Ну, а если цена будет падать и дальше, то, что тогда?

– Тогда покупайте еще.

– Я уже купила, – раздраженно отвечает она, – этих долбаных акций на два миллиона долларов...

– Когда я вам предложил закрыть позицию, вы меня, извините, на хер послали. Теперь эту позицию закрывать поздно. Поэтому ту тактику, которую вы избрали, надо довести до конца.

– Так вы считаете, что Газ вырастет?

– Непременно вырастет. Только я не знаю, сколько придется ждать.

– Что, может, придется ждать несколько лет?

– Да, – отвечаю я. – Ну и что же здесь плохого? Ведь вы же сами сказали, что вы сильная женщина.

– Хорошо. Владимир, звоните мне время от времени и подсказывайте, когда надо докупать. Пожалуйста.

– О'кей, позвоню, – отвечаю я.

Через день рынок опять начал падать. «Газ» стоил уже двести девятнадцать рублей. Цена остановилась на этом уровне. Началась проторговка.²⁰ Звоню Надежде:

---

²⁰ Колебания цен на каком-то одном уровне.

– Надо здесь купить.

– Что, больше падать не будем?

– Надежда, Газ уперся в линию поддержки,²¹ можно покупать.

– На все?

– Давайте возьмем тысяч десять-двадцать, больше не надо.

– Хорошо, я покупаю.

Через пять минут раздается звонок:

– Я купила двадцать тысяч.

Падение цен на российские бумаги продолжалось еще несколько дней, и когда цена «Газа» уперлась в новую линию поддержки, я рекомендовал Надежде подкупить еще. Она докупила этих бумаг по двести шесть рублей в количестве двадцати тысяч. Как я заметил, это был ее любимый объем. Таким образом, у Надежды образовалась очень мрачная позиция: двести двадцать тысяч акций по средней цене двести пятьдесят восемь – всего на пятьдесят шесть миллионов восемьсот сорок тысяч рублей. А на текущий момент рыночная цена всего двести шесть! Потери у Надьки очень серьезные, где-то около полумиллиона американских долларов! Денег у нее на счете осталось много: более двадцати миллионов, так что, если цена на «Газ» будет падать и дальше, то будем докупать, ничего страшного.

---

²¹ Линия поддержки – горизонтальная линия на графике, которая как бы ограничивает колебания цен снизу, соединяя локальные минимумы.

А что же цена? А цена отстоялась на уровне 206 и нырнула еще ниже. В окне котировок замелькали цифры 201, 200... От этих цифр мне цен стало не по себе, но я чувствовал, что движение вниз выдыхается. Я чувствовал, что еще немного, и цена рванет вверх. Прошел день, другой, третий – цены не растут. На фондовом рынке это бывает довольно часто. А за окном уже май. Девчонки ходят с голыми животами, а птицы щебечут так, словно хотят рассказать людям какую-то тайну бытия. Листики на деревьях такие нежные, такие свежие и так пахнут, что кружится голова. А ты должен сидеть перед компьютером и следить за котировками. «Да, – в голове проносится мысль, – правильно говорится, что легких денег на рынке не бывает».

Наконец «Газ» потихонечку начал отрастать и через день после начала роста дошел до отметки в двести три рубля. Я рекомендую Надежде докупать. Она спрашивает:

– На чем основаны ваши рекомендации?

Я отвечаю довольно резко:

– Мои рекомендации основаны на том, что акции надо покупать тогда, когда цена по ним идет вверх, а не вниз. Не важно, какая цена, а важно, куда идет движение! А движение идет вверх. Поэтому надо покупать! Понятно?

– Понятно, – эхом отвечает Надежда.

– А если понятно, то покупайте. Хотя бы тысяч сорок.

Она покупает этот объем по двести четыре рубля. Ниже котировки не пошли. В этот день максимальная цена была по

двести семь рублей. Я начинаю понимать, что «Газ» достиг своего дна и теперь вероятность роста очень велика. Думаю про себя: «Непреренно, надо еще купить. У Надьки свободных средств где-то двенадцать-тринадцать миллионов рублей. Потому что, если сейчас пойдет сильный рост, то это обстоятельство надо использовать по полной программе. А взять можно будет тысяч пятьдесят».

Чувствую, что надо брать «Газ» на все. Ниже в ближайшее время цена не будет. С такими мыслями я ложусь спать. Однако просыпаюсь от какого-то толчка, словно кровать подбросили вверх, и вижу мелькание цифр: 210, 230, 250, 270, 290, а потом я засыпаю и вижу удивительный сон. Будто бы на улице зима, метель, валит снег и ничего не видно, а потом откуда-то выплывает огромное-преогромное солнце и съедает снег. Становится тепло, и я вижу море, пальмы и желтый песок.

Просыпаюсь. Я помню сон, но он непонятен. Что же могли означать цвета? Итак, сначала я подумаю о белом цвете. Это цвет снега. Затем в фокус моего внимания попадает голубой – цвет моря и неба, потом зеленый и, наконец, желтый. Что-то здесь зашифровано... Мир вокруг нас полон информации, однако мы не умеем ее читать. Чувствую, что сон позитивен. Смотрю на часы. Ба! Да рынок пятнадцать минут назад как открылся. «Проспал, разгильдяй, – я начинаю себя ругать и быстро включаю компьютер, а там Газ уже торгуется по двести десять рублей. – Нужно звонить Надьке». Набираю

ее номер телефона:

– Надежда, срочно докупай Газ в рынок, и, притом на все деньги!

– А что случилось?

– Ничего не случилось, но Газ немедленно надо купить.

– Вчера утром цена была двести пять рублей, на пять рублей ниже сегодняшней, и вы мне ничего не говорили о том, что надо покупать. А теперь, когда он стал дороже, вы требуете его брать. Я что-то не вижу здесь логики.

– А логика здесь простая. Бумагу надо покупать тогда, когда она растет, а не тогда, когда она падает. Я вам это уже говорил. Хватит разговаривать, покупайте немедленно.

Она отвечает довольно неохотно:

– Хорошо.

Проходит несколько часов. Надежда не перезванивает. Мне непонятно, купила она, или же не купила? «Как тяжело с этими тетками, ни хрена не понимают в торговле, – думаю я про себя. – Вопросы задают, логику включают, а зачем? Им говорят купить, значит, надо купить». Звоню ученице сам:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.